

Кристаллинка Майя

ИЗ ЭМПИРЕЕВ

В

КАДРЕ — лицо Майи Кристаллинской. Видимо, один из первых советских «клипов»: дождь, косыми стрелами расходящийся по стеклу, опавшие листья. И низкий, такой знакомый, такой родной голос: «Круги на воде, круги на воде... в далеком когда-то, неведомом где-то...». И память как будто начинает расходиться кругами по гладкому водному полю нынешнего, все шире и шире вовлекая в свои глубины, завораживая, как всегда завораживают круги, напоминая о далеком когда-то или неведомом где-то.

Передача о Кристаллинской «Ты эхом нашей памяти была» получилась немного странной: без титров, без даты. Похоже, что и без сценария — делалась не по задуманному, а сама собой. И может быть, есть в этом некая особая прелесть: вот пудель, с которым Майя Кристаллинская снята на одной из фотографий. словно слушает голос своей хозяйки, льющийся с пластинки. Вот сестра и, судя по всему, близкие родственники, собрались в доме и тоже слушают пластинку. А дальше — как придется, кто под руку попадется: то Иосиф Кобзон, то Роберт Рождественский, то концертмейстер Кристаллинской Михаил Гусев, то Роксана Бабаян, то Людмила Гурченко, чей творческий вечер в МАИ прихотливо очень кстати, когда съемочная группа приехала в институт, где Кристаллинская училась и начинала в самодеятельности. То Радмила Каракич — тоже своего рода «круг на воде» для моего поколения.

И, может быть, о самой по себе передаче говорить бы и не стоило, не будь в ней так щедро использованы съемки разных лет, запечатлевшие облик Майи Кристаллинской, для нас все еще нестертый в памяти. Ведь она была из тех, кто, по очень верному наблюдению Людмилы Гурченко, сумел создать свою атмосферу в пространстве советской песни. Гурченко называет Кристаллинскую рядом с Вертинским и Утесовым, Бернесом и Шульженко и, честное слово, она по своему права. Права, потому что так

рано ушедшая, так задушевно певшая самые, казалось бы, неприятные песни, Майя Кристаллинская владела каким-то секретом — начисто забытым, утерянным сегодня.

Да, эстрада наша изменилась до полной неузнаваемости, понятие «звездности» вытеснило понятие «изюминки». А неизвестно, между прочим, что важнее, когда песня призвана стать какой-то частью твоей души, твоего бытия. Впрочем, призваны ли к этому нынешние песни? Не знаю. Людмила Гурченко верно сказала и об этом: слушая Майю Кристаллинскую, я была лучше, чем я есть. И еще — добавлю от себя — то ли в молодости дело, то ли в чем другом, но почему-то верилось в то, о чем пела эта молодая женщина с очень спокойным лицом, очень умными, знающими глазами, очень успокаивающим каким-то голосом, интонации которого волнуют и сегодня, спустя почти десять лет после ее смерти.

Круги

на воде

И еще было в ней очень сильное чувство собственного достоинства — в манере держаться (не в скованной манере советской эстрады того времени, нет, чисто личная, человеческая, женская черта, окрашивавшая все, что Кристаллинская исполняла), в интонациях, в самом выборе песен. Кристаллинская никогда, если мне не изменяет память, не пела того, что не шло бы к ее облику — вероятно, сильно совпавшему облику человека и актрисы.

Из телевизионной передачи о самой Майе Кристаллинской узнать ничего не удалось — кроме общих слов и искренних, теплых оценок Роксаны Бабаян, Иосифа Кобзона, Людмилы Гурченко, совпадающих с нашей, зрительской оценкой того самого далекого когда-то, что владеет всеми в равной почти мере. Но вот песни вспомнились — от них и пошли круги на воде: у каждого — свои. Для каждого — очень дорогие. Песен было много — и воспоминаний тоже.

Передача кончилась, словно оборвалась — последней записью певицы, песней Александры Пахмутовой «Опустела без тебя земля», навсегда связанной в восприятии с голосом именно этой, и никакой другой певицы. Но продолжение передачи, если дозволено так выразиться, дописала сама наша жизнь. Весьма красноречивое продолжение, лучше всех слов свидетельствующее о том, чем и как живем мы ныне.

Не успели отзвучать последние аккорды, как на экране вспыхнула и нервно задержалась надпись «5 минут» — то ли рекламная пауза, то ли новая передача? И появилась едва ли не во весь экран полуголая девица, украшенная сразу двумя крестами: один висел на обнаженной груди, другой мотался у пояса. Почти засунув микрофон в рот, она задержалась, запрыгала, заорала: «Ну и пусть, ну и пусть правду говорят, что в году я люблю триста дней подряд!» Ошеломленная и оглушенная, я не сразу догадалась выключить телевизор, но после того, как слова эти прозвучали раз пять — шесть, поняла окончательно: новые песни придумала жизнь». Да еще какие! Да еще какие «личности» вывела на эстраду! И неудержимо захотелось вернуться туда, куда вели меня круги на воде: надеть черное платье с кружевным белым воротничком и кружевными белыми манжетами, как на Майе Кристаллинской. А на шею я повесила бы партийный билет. Жаль, ни того, ни другого у меня никогда не было.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.

Экран и сцена

1994 - 3 - 17 нояб.